

Такая жизнь

Культура. 28 сентября 1996 г.

3

ЧЕЛОВЕК И ОРКЕСТР

ВЛАДИМИР ПОНЬКИН:

Мнительность — двигатель прогресса

Нынешнего главного дирижера Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко Владимира ПОНЬКИНА перед началом сезона легче застать не на дирижерском подиуме, а... в столярном цехе театра. Похоже, маэстро, принявший руководство театральным оркестром в марте этого года, энергично участвует и в его хозяйственной жизни. Наша беседа началась на досках во дворе с вопроса, имеющего, казалось бы, лишь косвенное отношение к жизненным коллизиям современного музыкального театра.

— Почему главный дирижер перед началом сезона возглавил столярную бригаду?

— Прежде всего это связано с вполне обоснованным желанием сделать свое рабочее место удобным для себя и оркестра. Такое место для нас — оркестровая «яма», которая в этом театре всегда была «больным» вопросом. В ней все скрипело, страшно грохотало, мешали какие-то надстройки, металлические рамы. А ведь, несмотря на столь прозаическое название, это важнейшая часть любого музыкального театра, я поставил реконструкцию «ям» одним из обязательных условий перед дирекцией. В последний момент фирма-подрядчик отказалась выполнить эту работу. Но нельзя же быть в роли художественного руководителя, не сдерживающего своего слова! «Яма» должна была реконструироваться по моему проекту, и я взялся за дело сам с помощью шести рабочих. Постара-

юсь, чтобы к началу сезона оркестр получил клееный, монолитный пол.

Понимаете, здесь нет мелочей. Пусть это вовсе не мои прямые обязанности, но если я хочу действительно быть хозяином положения, то должен предпринимать и такие шаги. Наверное, в этом примета времени. А так как по своей природе я всегда стремился к «натуральному хозяйству», то делаю это с удовольствием. Главное же — мы зависим только от самих себя.

— Каково, на ваш взгляд, финансовое положение музыкальных театров сегодня?

— У разных театров — разное. Во многом оно зависит от государственной поддержки. На частную помощь мало кто может рассчитывать. Сейчас всем трудно: и «академистам», и муниципальным театрам. Но и здесь есть свои градации. Например, и мы, и «Новая опера» относимся к театрам муниципального финансирования.

Но у Колобова поддержка гораздо серьезнее. Но мне бы хотелось сказать несколько добрых слов в адрес наших музыкантов, которые, получая порой мизерные деньги, вкладывают душу в создание спектаклей. Этого не хватает блестящему, но холодноватому Западу.

Впрочем, и там бывает по-разному. Я руковожу одновременно тремя оркестрами. Один из них — филармонический оркестр в Кракове. И хотя оркестровое хозяйство далеко не в разброде, финансирование и там недостаточное. Есть, конечно, такие сверхблагополучные оркестры, как «Варсовия» (недавно приехавший с К. Пендерецким к нам и патронируемый И. Менухиным), но их единицы. Региональные же оркестры стараются решать свои финансовые проблемы привлечением спонсоров. В Польше, скажем, дешевле продукты и товары, зато дороги коммунальные услуги. Но музыкант Краковского филармонического получает в месяц в среднем 300 долларов, а в Москве у музыкантов симфонического оркестра, которым я руковожу, нищенская зарплата в 400 тысяч рублей. Музыканты просто вынуждены ходить по другим оркестрам. И при этом исполнительный уровень у ребят растет.

— Не эта ли ситуация заставляет оркестры создавать штаты менеджеров и коммерческих директоров?

— Профессия музыкального менеджера у нас в России пока еще только возникает. Конечно, были и будут талантливые администраторы, такие, например, как директор руководимого мною симфонического оркестра. Но сегодня профессия музыкального менеджера напоминает худшие стороны «челноков». Все идет параллельно: также из «эмбрионального» состояния зарождается целая масса «разовиков», которые готовы убедить, обмануть, взять и скрыться. Но самое печальное — появился определенный тип так называемых «дирижеров», которые на деле являются именно менеджерами. Однако нередко им этого мало, и вот они уже с легкостью берут на себя роль «специалиста» по оркестру. Здесь — «совковый синдром разовости». Поверить слову менеджера очень тяжело: я, например, довериться никому не могу. У русских купцов не было никаких бумаг, достаточно было слова. А мы сегодня подписываем массу документов, которые просто не выполняются, и претензии предъявлять абсолютно невозможно.

И тот штат людей, который сегодня работает у нас в симфоническом оркестре и очень опытен, «тонет» в массе проблем, возникших из-за элементарных невыполнений другими сторонами своих обязательств.

— Из чего состоит будничная жизнь дирижера?

Фото А. БАГРЯНСКОГО

— Из периодов: бывает, что долго вынашиваешь какую-то программу, бывает, что переживаешь неудачи. Это отнимает силы, но избавиться от подобных мыслей нельзя. Мнительность в нашем деле должна быть самым важным двигателем профессионального роста. Если многие дирижеры считают себя всегда правыми, то я придерживаюсь категорически другой точки зрения. Порочная система, когда «дирижер всегда прав» (существующая повсеместно), оправдывает профессиональные слабости этого дирижера. И чем слабее он, тем больше компенсирует свои недостатки и убогость другими мерами: будь то меры пресечения малейшего недовольства или интриги. Это невероятно разлагает оркестр и приводит в результате к полному непониманию роли дирижера. А ведь дирижер — это маэстро, первый среди равных.

Это не значит, что требовательность к оркестрантам не играет важнейшую роль. Просто на своем примере надо убеждать их в том, что они могут и должны играть лучше. Когда я уезжал в 1985 году в Ярославль, то казалось, что еду в пожизненную ссылку. Но вместе с оркестром Ярославской филармонии мы смогли подняться на уровень, позволяющий нам играть очень неплохо. Когда же надо было двигаться дальше и реализовывать свой творческий потенциал, более серьезно заниматься не только на репетициях, но и дома, наладить дисциплину, возникли противоречия. И все же именно в эти годы я пришел к выводу: если ты работаешь честно, прежде всего перед самим собой, перед людьми, которые тебе верят, то судьба обязательно поможет!

Беседу вел
Геннадий КОПЫЛОВ